

7. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сб-к док-тов. Т. 6. М. : Политиздат, 1984.
8. Юнгблуд В. Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 гг. Киров, 1998.
9. Alvarez D. Bureaucracy and Cold War Diplomacy: The United States and Turkey, 1943–1946. Thessalonica, 1980.
10. Baram P. J. The Department of State in the Middle East, 1919–1945. Philadelphia. 1978.
11. FRUS. 1945. (Conferences at Malta and Yalta). Washington, 1945.
12. FRUS. 1945. Vol. VII. Washington, 1945.
13. FRUS. 1945. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). Washington, 1945.
14. Forrestal J. The Forrestal Diaries. N.Y., 1951.
15. Howard H. Turkey, the Straits and U.S. Policy. Baltimore, 1974.
16. Hurewitz J. C. Middle East Dilemmas. The Background of the United States Policy. N.Y. 1953.
17. Kirk G. The Middle East 1945–1950. L. 1954.

М. А. Фельдман,
профессор Уральского института — филиала РАНХиГС,
г. Екатеринбург

Готовясь к войне, или некоторые итоги государственной политики по отношению к рабочим промышленности Германии (1920–1930-е гг.)

Закон рейхстага от апреля 1920 г., единственный школьный закон, принятый во времена Веймарской республики, представлял собой решение о трехступенчатой школьной реформе (начальная школа, средняя, высшая). Было введено обязательное образование до 18 лет. После 8 лет начального образования ученики должны были посещать среднюю общеобразовательную либо профессиональную школу [3, 452]. В период 1920–1933 гг. 87 % всех детей продолжали обучение

в 9-летней школе после 4 класса. 9 % поступали в вузы [2, 361]. В 1932 г. 95 % всех бывших первоклассников поменяли начальную школу на более высокую ступень [3, 452].

Созданный в 1925 г. Немецкий институт технического обучения рабочих занимался не только вопросами технического обучения рабочих. В поле его деятельности находился поиск профессии и рационализации рабочего процесса. С начала 1930-х гг. добавились идеи идеологического воспитания и перевоспитания рабочих. Это объяснялось в частности тем, что с 1931 г. глава института технического обучения рабочих Арнольд поддерживал тесные отношения с Гитлером. Базовым утверждением Арнольда стало следующее: в Германии на предприятиях обязано установиться единение заводского коллектива и предпринимателей с интересами государства. В основе такого единства должна лежать внутренняя связь между национал-социалистической идеей и рабочими. Стержнем этой идеи выступают «солдатское мышление и немецкая честь, присущие всем расовым чистым немцам» [2, 210].

Целью деятельности Немецкого института технического обучения рабочих стало повышение производительности рабочих. Методом — «напряжение всех сил» (читай: интенсификацию труда) через немецкое воспитание (прилежание, трудолюбие, упорство, энергию и отвагу, немецкую рационализацию; подчинение фюреру, законам расы и крови. Так, по замыслу Арнольда и фашистской партии, должна была идти выработка немецкого трудового характера, типа немецкого рабочего [2, 210–211].

Уже в феврале, затем летом 1933 г. министр образования Германии принял решительные меры по внедрению в систему образования таких предметов, как наука о наследственных признаках и расах, физкультура. Учителя должны были регламентировать поведение учеников [2, 359]. В 1935 г. государство ввело унифицированные стандарты при проведении экзаменов по профессионально-техническому мастерству и в сфере ремесленного производства, и на фабрично-заводских предприятиях. Концепция учебно-производственных мастерских, которая в 1920-е гг. пропагандировалась Немецким институтом технического обучения рабочих, нацеленная на ускорение подготовки квалифицированных рабочих в Германии, была подхвачена национал-социалистами и реализована. О выполнении поставленных задач

можно судить по таким цифрам: если в 1933 г. в 167 учебных мастерских для ремесленников и новых рабочих занималось 16 222 ученика, то в 1940 г. в 3 304 учебных мастерских — 2 444 250 [2, 372].

После мастерских ученики поручались конкретным отделам предприятий, в которых они обучались под руководством квалифицированных рабочих. (Здесь напрашиваются аналогии с советскими стахановскими группами). Параллельно шло профессиональное теоретическое обучение в заводской профессиональной школе, посещение которой было обязательно и заменяло государственную профессиональную школу [2, 373].

Имперским законом от 8 июля 1938 г. об обязательном школьном образовании были унифицированы правила и принципы общего профессионального образования [2, 360]. Был установлен срок обязательного школьного обучения для всех детей в 8 лет; т. е. на год меньше, чем существовало раньше. Тем не менее обучению подлежали *все подростки от 14 до 18 лет* либо в старших классах (9–12 классы), либо в 3-хлетней профессионально-технической школе в городах (2-хлетней — в сельской местности) На практике это требование было выполнено преимущественно в крупных городах [2, 373]. Кроме того, физически юноши должны были воспитываться, выполняя программы трудовых лагерей, насыщенные ручным трудом. Их труд должен был применяться ежегодно в сельском хозяйстве, промышленности и горном деле [2, 361].

Лозунгом фашистов для системы технической учебы стал тезис: «Тотальная война может быть выиграна только при тотальной политике в сфере профессиональных школ» [2, 374]. К последним относились и сельскохозяйственные школы с 2-хлетним образованием и сдачей экзаменом на помощника по конкретной профессии [2, 375].

Если начинающие рабочие были обязаны проходить путь от стадии необученных работников к квалифицированным, то последние осваивали дорогу к должностям техников. Среди специалистов на должностях техников фирмы Сименс в 1936–1938 гг. четверть состава представляли выходцы из рабочей среды [2, 331]. В то же время среди рабочих промышленности впервые появились люди со средним специальным образованием. Из числа занятых в машиностроении электрослесарей, специалисты составляли 00,5 % в 1933 г. и 4,8 % в 1939 г.

[2, 331]. Постепенно росла доля рабочих среди студентов в высших школах, составив в 1932 г. 6 % (2 % в 1907 г.) [2, 314].

Каковы же были результаты государственной политики, обращенной к промышленным рабочим Германии? Выделим принципиальные моменты. Во-первых, завершение индустриализации в Германии к началу XX в. обусловило и прекращение бурного количественного роста рядов рабочего класса. В период между промышленно-профессиональной переписью 1907 г. и переписью населения 1939 г. численность рабочих в экономике Германии выросла незначительно, составив в 1907 г. 15, 4 млн. чел., в 1925 г. — 15,8 млн. чел., в 1939 г. — 17,5 млн. чел. [2, 337]. При этом 80 % рабочих являлись выходцами из рабочих семей [2, 314]. Доля промышленных рабочих в общем массиве трудоспособного населения оставалась стабильной: в 1905 г. — 46,1 % , в 1925 г. — 45 %, незначительно изменившись и к 1939 г. Процент рабочих на крупных предприятиях Германии (более 1000 рабочих) заметно отличался от России и СССР — 4,9 % в 1907 г. и 8,5 % в 1925 гг. [2, 312].

О динамике численности промышленных рабочих Германии можно судить по следующей таблице.

Численность рабочих промышленности Германии в 1925—1939 гг.*

Численность	1925 г.	1933 г.	1939 г.
Всего (млн. чел)	10,267,8	9,938,4	11,087,7
В том числе:			
мужчин	8050,2	7,981,7	8,736,2
женщин	2,217,6	1956,7	2,344,5

* Численность рабочих приведена вместе с ремесленниками.

Источник: Statistik des Deutschen Reichs. Band 556, 1. Berlin, 1939. S. 34.

Во-вторых, завершение индустриализации в Германии сказалось и на ходе урбанизации. Урбанизация в Германии развивалась в данный период относительно невысокими темпами. С 1925 г. по 1939 г. доля населения крупных городов (население более 100 тыс.) увеличилась с 26,8 до 31,6 %. В больших городах проживали не более 27,5 % рабочих. В городах с численностью менее 20 тыс. — около 60 % рабочих [2, 336].

В-третьих, более значительными можно назвать изменения занятости, связанные с отраслевой структурой. Доля занятых в машиностроении и металлообработке выросла с 21,7 до 27,3 %, тогда как в производстве одежды и обработке кожи удельный вес работающих сократился с 13,5 до 11,9 %. При этом 1,5 млн. рабочих в 1936–1939 гг. ежемесячно меняли место работы [2, 338].

В-четвертых, фашистское государство, осознавая значимость социальных программ для *высокопродуктивного труда* рабочих в индустриальную эпоху, активизировало законодательную и конкретно-практическую деятельность в социальной сфере. В 1934 г. в Германии было основано Управление народного здоровья. Задачей этого управления провозглашалось широкое курирование сферы здоровья. Сюда относились регулярные медицинские обследования, программы физического оздоровления на рабочем месте и в свободное время, по гигиеническому оборудованию рабочих помещений и квартиры по обучению домохозяек в вопросах питания [2, 208].

Речь шла о снижении порога опасности для здоровья рабочих определенных профессий, например, в химической промышленности. В 1937 г. было проведено 17 тыс. выборочных обследований на предприятиях с общим числом работников 620 тыс. чел. 600 тыс. детей и 160 тыс. матерей были отправлены в дома отдыха и сельскую местность. Мероприятия по совершенствованию здравоохранения, вводимые в 1930-е гг., без сомнения служили прогрессивному социальному улучшению. Но они были частью негуманной расовой политики, поскольку касались только немцев [2, 209].

Большое внимание уделялось спорту. Спортивный призыв предприятий должен был начать мобилизацию в этой области и охватить 1,5 млн. работающих мужчин старше 18 лет на более чем 10 тыс. предприятиях [2, 210].

Важную составляющую социальной политики представляли меры государства в жилищной сфере. С 1919 г. правительство финансировало строительство 80 % квартир в государственных и муниципальных домах. Если в 1913 г. на найм жилья рабочий тратил 20 % своей зарплаты, то в 1923 г. — 10 %, а позднее, в конце 1920-х гг. — до 2 %. Все это происходило в стране, не относившейся к государствам с высокой заработной платой рабочих. В 1928 г. реальные доходы

рабочих в Германии превышали аналогичные показатели во Франции и Бельгии, но уступая Англии, Голландии и Швеции [3, 313–314].

В-пятых, доля квалифицированных рабочих в составе всех рабочих Германии снизилась с 36,4 % в июне 1933 г. до 32 % в июле 1936 г. и 31,9 % в июне 1939 г. Несколько сократилась и доля обучающихся рабочих: с 10,7 % в июне 1936 г. до 9,5 % в июле 1939 г. Однако в ведущих отраслях промышленности Германии показатель квалифицированных рабочих был значительно выше: в металлообработке доля квалифицированных рабочих составляла 61 % в 1933 г. и 54,4 % в 1939 г. В металлургии соответственно 86,1 % и 81,1 % [3, 329–330]. Это означало, что именно в ведущих отраслях текучесть кадров была относительно невелика. Именно здесь был сконцентрирован значительный массив квалифицированных рабочих, связанных с производством военной техники и боеприпасов.

Как видно, фашистское государство в общих чертах продолжило социальную политику Веймарской республики, добываясь лояльности и поддержки на «трудовом фронте» со стороны промышленных рабочих. Однако социальная политика, вырванная из контекста всего государственного курса, как показывает опыт фашистских государств [1], может дезинформировать исследователей, поменяв местами сущностное и формальное: «поезд» германской политики приближался к мировой войне, обрекая занятых в промышленности на жертвы, несравнимые ни с периодом 1914–1918 гг., ни с началом 1920-х г.

Список источников и литературы

1. Фельдман М. А. Рабочие и диктатура. Размышление над книгой Л. С. Белюсова «Режим Муссолини и массы» // Уральский вестник международных исследований. Вып. 3. Екатеринбург, 2005. С. 154–160.
2. Geschichte der Arbeiter und der Arbeiterbewegung in Deutschland seit dem Ende des 18. Jahrhunderts / Hrsg. von G.A. Ritter. Bd. 12. Unterm Hakenkreuz: Arbeiter und Arbeiterbewegung 1933 bis 1939 / Hrsg. von M. Schneider. Bonn: Dietz, 1999.
3. Weller H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Vierter Band. 1914–1949. Munchen, 2003.